

ИРИНА МОНАХОВА

БЕЛИНСКИЙ И АКСАКОВЫ

Эпизоды полемики западников и славянофилов

История взаимоотношений (дружбы и вражды, журнальных сражений, взаимопонимания и расхождения во взглядах) В. Г. Белинского и братьев К. С. и И. С. Аксаковых стала частью не только их биографий, но и затянувшейся на многие десятилетия полемики западников и славянофилов. Белинский и Константин Аксаков фактически были у её истоков.

Полемика эта не утихает до сих пор. Это яркое общественное явление остаётся актуальным и сегодня, поэтому и обращение к его истокам представляет интерес не только как память о “делах давно минувших дней”.

То, что многое в этой полемике с тех пор изменилось, – общеизвестно. Так отличается чистый исток реки, который находится где-то в лесном роднике, от её дальнейшего течения – полноводного и в то же время несколько замусоренного, для утоления жажды непригодного. О тех истоках, о западниках и славянофилах 40–50-х годов XIX века А. И. Герцен писал: “Да, мы были противниками их, но очень странными. У нас была одна любовь, но не одинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы – за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей всё существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно”.

Обращение к этой теме актуально также и в связи с тем, что в 2010-х годах отмечается 200 лет со дня рождения В. Г. Белинского (2011) и К. С. Аксакова (2017).

* * *

В 1881 году в № 8 газеты “Русь” в разделе “Литературный отдел” были опубликованы (впервые) шесть писем В. Г. Белинского К. С. Аксакову. Эта публикация предварялась небольшим предисловием редактора газеты И. С. Аксакова под названием “Примечание редактора”.

Примечание во многом посвящено описанию среды общения Белинского и К. Аксакова в молодости, а именно – кружку Н. В. Станкевича, где они познакомились в начале 1830-х годов и где они оба были одними из самых активных и постоянных участников до конца этого десятилетия. И. Аксаков в примечании особенно подчёркивает, что формирующиеся славянофильские

убеждения К. Аксакова вызывали всё больше противоречий его с кружком, а затем привели к разрыву отношений с его участниками: “По прямоте своего характера, К<онстантин> С<ергееви>ч в конце 1839 или в 1840 г<оду> открыто порвал сношения почти со всеми оставшимися в Москве адептами кружка. <...> В этом же 1840 г<оду>, после одного или двух писем В. Г. Белинского, которые, к сожалению, не сохранились, последовал разрыв и между ними. Иначе и быть не могло. В это время уже слагался в К. С. проповедник того учения, которому сам Белинский дал в раздражении кличку “славянофильства” (разумея славянофильство Шишкова) и которое, по всеобщему теперь признанию, получило, во всяком случае, почётное значение в истории русского общественного развития”.

Рассказывая вкратце об истории взаимоотношений Белинского и К. Аксакова, И. Аксаков видит её как бы глазами брата Константина (что понятно и закономерно), считая воззрения Белинского 1840-х годов ошибочными и резко негативно (опять же со слов брата) оценивая содержание последнего несохранившегося письма Белинского К. Аксакову: “С свойственным ему острвенением искренности Белинский мял и топтал беспощадно то, чему ещё недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникло и созревало в К<онстантине> С<ергееви>че. Это было каплею, переполнившюю сосуд. К. С. отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился”.

Но при этом И. Аксаков отмечает, что высоко ценит выдающиеся личные качества Виссариона Григорьевича, подчёркивая, что “Белинский был, независимо от своего критического таланта, человек замечательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой каких бы то ни было расчётов”. И в этих высоких личных свойствах Белинского И. Аксаков видит много общего с его идейным оппонентом К. Аксаковым. “Тем не менее, оба служили истине – как каждый из них её понимал (а мы думаем, что с переездом в Петербург Белинский увлёкся в путь ложный) – с беззаветным увлечением и ни разу не изменявшею себе искренностью”, – отмечает в заключение своего вступительного слова И. Аксаков.

* * *

Идейные разногласия К. Аксакова с Белинским начались не на рубеже 30–40-х годов, а гораздо раньше, и не только с Белинским, а вообще с кружком Станковича, где они познакомились в начале 1830-х годов. Для Белинского это кружок молодых философов, поэтов, литераторов, объединённых научными интересами и жадной познания (но не хрестоматийного, а нового, открывающего новые горизонты в осмыслении жизни), был родной стихией. Критический взгляд на современную им Россию, осмысление существующих проблем, отрицание “ложновеличавого”, напыщенного в искусстве – для Белинского это совпадало со стилем его мышления, его взглядами на жизнь.

Для К. Аксакова же образ мыслей и настроение кружка были не вполне близки. Выросший в патриархальной семье, в помещичьей усадьбе на лоне природы, окружённый родительской любовью, вдали от острых проблем современности, он был склонен к более уравновешенному, “беспроblemному”, идиллическому взгляду на жизнь. Что же касается юношеского периода жизни К. Аксакова, особенно первых лет его общения с кружковцами, то в это время в его представлении любовь к родной стране и критика её недостатков были вещами несовместными. К. Аксаков отчасти болезненно воспринимал “отрицательное” направление кружка, но в то же время и понимал основные причины его возникновения: “Искусственность российского классического патриотизма, претензии, наполнявшие нашу литературу, усилившаяся фабрикация стихов, неискренность печатного лиризма – всё это породило справедливое желание простоты и искренности, породило сильное нападение на всякую фразу и эффект”.

После окончания университета К. Аксаков не только не отдалился, а ещё больше сблизился с кружком, одним из самых ярких участников которого был Белинский. В нём в большой степени сосредоточились и выразились разнообразные особенности кружка и его деятельности, к которым и отношение К. Аксакова было различное. С одной стороны, увлечение критикой россий-

ской действительности, что воспринималось им болезненно. С другой стороны, пристальное внимание к этическим вопросам, что для него было весьма ценной и притягательной темой. К. Аксаков вспоминал: “Как всегда бывает, отрицание лжи доходило и здесь до односторонности; но, надобно отдать справедливость, односторонность эта не была крайняя, была искренняя; нападение на претензию, иногда даже и там, где её не было, не переходило само в претензию, как это часто бывает и как это было в других кружках. Одностороннее всего были нападения на Россию, возбуждённые казёнными ей похвалами. Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, ещё многого не передумавший, ещё со многим не уравнившийся, я был поражён таким направлением, и мне оно часто было больно; в особенности больны были мне нападения на Россию, которую люблю с самых малых лет. Но, видя постоянный умственный интерес в этом обществе, слыша постоянные речи о нравственных вопросах, я, раз познакомившись, не мог оторваться от этого кружка и решительно каждый вечер проводил там”.

С Белинским связано и начало литературной деятельности К. Аксакова. Его первая публикация — драматическая пародия “Олег под Константинополем” — появилась в 1835 году в газете “Молва”, которую Виссарион Григорьевич тогда редактировал, так же как и журнал “Телескоп” вместо уехавшего в длительную командировку редактора этих обоих изданий Н. И. Надеждина. Белинский напечатал отрывки из этой шуточной драмы, сопроводив их своим примечанием, где он упомянул, что большую часть её он слышал “из уст скромного автора”, которого представил публике как молодого человека “с необыкновенным поэтическим дарованием”.

Белинский не только был дружен с К. Аксаковым, но и с начала 1830-х годов бывал в гостеприимном доме Аксаковых, где регулярно устраивались литературные вечера. Здесь Белинский, в частности, познакомился на одном из таких вечеров с Н. В. Гоголем. По воспоминаниям И. И. Панаева, посетившего Москву в 1839 году, “Белинский был всегда довольно короток в доме Аксаковых, но перед моим приездом в Москву между им и этим семейством произошло какое-то недоразумение, размолвка”.

К этому времени относятся наибольшие расхождения и, наконец, разрыв К. Аксакова с участниками кружка Станкевича, прежде всего, из-за идейных разногласий. Об отдалении К. Аксакова от Белинского и других участников кружка Станкевича говорит собственное признание Константина Сергеевича в его письме Г. С. и И. С. Аксаковым, написанное в феврале-марте 1839 года: “Что сказать вам про мои отношения с приятелями, милые друзья? Я расстался со всем их кружком, без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался сам, по истинному своему влечению и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно. — Белинский лучше всех моих приятелей; в нём есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных”.

После переезда Белинского в Петербург его отношения с К. Аксаковым стремительно охладевали, как видно из их переписки. Славянофильские убеждения К. Аксакова всё более чётко определялись, а журнальная полемика (в том числе произошедший между ними в 1842 году печатный обмен мнениями по поводу “Мёртвых душ”) ещё более накаляла противостояние этих двух “партий”. Полемичности их отношений во многом сам же Белинский и способствовал — его бойцовский дух и талант полемиста здесь сыграли свою роль. По замечанию А. И. Герцена, “страстный и вообще полемический характер славянской партии особенно развился вследствие критических статей Белинского”. Конечно, он при этом увлекался, иногда слишком — это известно. Но то же можно сказать и о К. Аксакове. Например, в 1840 году, предполагая полемизировать с Белинским по поводу его рецензии на собрание сочинений М. В. Ломоносова, он решительно заявлял: “Мы с Белинским так схватимся литературно, как ещё никто с ним не схватывался”. Дух борьбы, активного противостояния оппонентам увлекал и Белинского. В 1842 году, в разгар полемики о “Мёртвых душах”, он решительно заявлял в одном из писем В. П. Боткину: “Спасибо тебе за вести о славянофилах. <...> Ненависть этих господ радует меня — я смакую её, как боги амброзию. <...> Я был бы рад их мщению, и чем бы оно было действительнее, тем для меня отраднее. Я буду постоянно бесить их, выводить из терпения, дразнить.

Бой мелочной, но всё же бой, война с лягушками, но всё же не мир с баранами”.

В дальнейшем полемика между западниками и славянофилами только обострялась. При этом и та, и другая сторона, увлекаясь, могли впадать в крайности, но и те, и другие признавали и уважали искренность друг друга и понимали, что и теми, и другими движет любовь к России и стремление к её благу, к которому они видели разные пути. Как показал исторический опыт, сами по себе реформы по западному образцу, к которым стремились западники, ещё не гарантируют стране и её народу процветания, всё гораздо сложнее. Но и идеал славянофилов имеет свои существенные изъяны. Причём “мечтательный элемент”, по выражению Н. А. Бердяева, был присущ обоим направлениям: “Славянофилы смешали свой идеал России, свою идеальную утопию совершенного строя с историческим прошлым России. <...> Западники <...> смешивали свой идеал лучшего для России строя жизни с современной им Западной Европой, которая отнюдь не походила на идеальное состояние. И у славянофилов, и у западников был мечтательный элемент, они противопоставили свою мечту невыносимой николаевской действительности”.

Увлекаясь своей светлой мечтой об устройстве русской жизни, лишённом западного влияния, славянофилы, в частности К. Аксаков, иногда слишком отрывались от действительности, что вредило их направлению во мнениях общества. Например, К. Аксаков взял за обычай носить не обычный общепринятый костюм, а старорусскую одежду (косоворотку, мурмолку), а также отпустил бороду. В результате, по шуточному замечанию П. Я. Чаадаева, “народ на улицах принимал его за персиянина”. Белинский тоже в шутку по этому же поводу заметил в одной из статей 1844 года, что, отыскивая родоначальников наших родоначальников, “мы непременно дойдём до Адама и, как истинные археологи, решим, что нам надо ходить в костюме Адама, чтоб ни в чём не отстать от своих предков”.

К. Аксаков не только сам одевался на старинный манер, но также пытался приобщить и светских дам к такой одежде и, конечно, не нашёл в этом никакого понимания. “Ни одна не решается надеть сарафана”, — сокрушался он в письме Н. В. Гоголю, который, впрочем, не одобрял таких “крайностей”, просил его “не отделять себя от общества” своим нарядом и напоминал ему о смирении. А по поводу более существенных вопросов его упреки К. Аксакову были жёстче и бескомпромисснее: “До нынешнего моего приезда в Москву я более любил её, но вы умели сделать смешным самый святой предмет. Толкуя беспреостанно одно и то же, пристёгивая сбоку припёку при всяком случае Москву, вы не чувствовали, как охлаждали самое святое чувство вместо того, чтобы живить его”.

Кстати, сам Гоголь (не примыкавший ни к западникам, ни к славянофилам) так сформулировал сущность своего отношения к русской старине, традиции и её роли в завтрашнем дне России: “Не умрёт из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесётся звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — и праздник Светлого Воскресенья воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!” — писал он в 1846 году в книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. И этот подход представляется оптимальным — зерно всего лучшего, что было в старине, традиции, должно органично прорасти в настоящем и будущем, а не переноситься в застывших формах и в том числе во внешних атрибутах.

Если же говорить не об отношении к старине, а о том, что считали необходимым сделать в России, какие преобразования провести, то здесь западники и славянофилы были в ряде важных вопросов едины — и те, и другие требовали демократических реформ, прежде всего отмены крепостного права, свободы слова. И в оценке существовавшей тогда общественно-политической ситуации в России у них не было существенных расхождений. Характерный пример тому — знаменитое “зальцбруннское” письмо Белинского к Гоголю 1847 года и “Записка” К. Аксакова “О внутреннем состоянии России”, представленная императору Александру II в 1855 году. В этих двух сочинениях, написанных совсем с небольшим (по историческим меркам) временным промежутком, в наиболее ярком, чётком и систематическом виде были выражены общественно-политические позиции Белинского и К. Аксакова, да и вообще западников и славянофилов (насколько они могли быть выражены в совре-

менных им условиях России – при цензуре и отсутствии свободы слова). Причём “Записка” К. Аксакова, хотя и была прочитана адресатом, но не привела к какому-либо реальному результату и опубликована была лишь в 1881 году в газете “Русь”. А “зальцбрунское” письмо Белинского к Гоголю, которое, конечно, не могло тогда появиться в российской печати, вскоре после его создания разошлось в списках по всей России, так как его автор, сделавший с него копию, с самого начала воспринимал его не только как частное послание, но и как статью о самых острых социально-политических вопросах.

К. Аксаков в “Записке” писал: “Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестною ложью. Правительство, а с ним и верхние классы, отделилось от народа и стало ему чужим. И народ, и правительство стоят теперь на разных путях, на разных началах. <...> Всеобщее развращение или ослабление нравственных начал в обществе дошло до огромных размеров. Взятничество и чиновный организованный грабёж – страшны. <...> Стоит лишь уничтожить гнёт, наложенный государством на землю, и тогда легко можно стать в истинные русские отношения к народу. <...> Необходимо снять гнёт с устного и письменного слова. Пусть государство возвратит земле ей принадлежащее: мысли и слово, и тогда земля возвратит правительству то, что ему принадлежит: свою доверенность и силу. <...> Есть в России отдельные язвы, требующие особых усилий для исцеления. Таковы раскол, крепостное состояние, взяточничество. <...> Да восстановится древний союз правительства с народом, государства с землёю на прочном основании истинных коренных русских начал. Правительству – неограниченная свобода *правления*, исключительно ему принадлежащая, народу – полная свобода *жизни* и внешней, и внутренней, которую охраняет правительство. *Правительству – право действия* и, следовательно, закона; *народу – право мнения* и, следовательно, слова”.

Белинский в письме Гоголю писал: “Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть”.

Как бы по-разному ни относились западники и славянофилы к деятельности Петра I и возможностям возрождения древних, допетровских традиций, но важно, что в их общественно-политической позиции были сходные требования – требования реформ, свобод, отмены крепостного права. И в этом они были едины. Вот почему они, которых привычно считают разными “партиями”, по существу, представляли собой (во всяком случае в ранний период – при жизни Белинского) два крыла одной “партии” – оппозиционной к сложившейся тогда общественно-политической ситуации в России и добивавшейся демократических реформ. Это была оппозиция не столько по отношению к самой по себе высшей власти (впрочем, тут были расхождения среди западников: например, А. И. Герцен однозначно считал российское самодержавие злом для народа, а Белинский надеялся на то, что воля царя обеспечит проведение ожидаемой крестьянской реформы несмотря на нежелание правительства и аристократии), сколько к установившемуся порядку, который характеризовался повсеместным гнётом правительственных, чиновничьих структур и полным пренебрежением мнением народа.

Важным аспектом в идеях и Белинского, и славянофилов было пристальное внимание к нравственному состоянию современного им общества. И, собственно, Белинский был одним из первых русских мыслителей, осознавших огромное значение социальных вопросов, совершенствования нравов ещё в начале 1840-х годов. В этом пункте идеи Белинского и славянофилов его времени, провозглашавших цель “воспитания общества”, были весьма сходны.

И западники, и славянофилы подвергались цензурному гнёту. Статьи Белинского, как известно, зачастую появлялись в печати в “искромсанном” цензурой виде, а многие сочинения К. Аксакова по той же причине вообще не были опубликованы при его жизни.

К. Аксаков так характеризовал ситуацию в стране: “Взяточничество и чиновный организованный грабёж – страшны”, – то есть почти теми же словами, что и его оппонент Белинский в письме Гоголю: “Россия <...> представляет собою ужасное зрелище страны, где <...> нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть

только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей”. (На что, впрочем, Гоголь в ответном письме Белинскому и сам заметил то же самое: “Если же правительство — огромная шайка воров, или, вы думаете, этого не знает никто из русских?”).

Западник А. И. Герцен писал: “Русское правительство — не русское, но вообще деспотическое и ретроградное. Как говорят славянофилы, оно скорее немецкое, чем русское”. Этот его вывод, в сущности, совпадает с тезисом, высказанным славянофилом К. Аксаковым в “Записке” царю: “Вместо прежнего союза образовалось иго государства над землею, и Русская земля стала как бы завоеванною, а государство — завоевательным. Так русский монарх получил значение деспота, а свободно-подданный народ — значение раба-невольника в своей земле!”

Вот где было настоящее противостояние, более существенное, чем между западниками и славянофилами, — противостояние тех, кто стремился к возрождению и развитию России, и тех, кто своими делами препятствовал этому. В этой связи символично звучат слова западника Т. Н. Грановского из его письма славянофилу И. В. Киреевскому 1845 года: “Вы сами не раз говорили мне, что в России собственно только две партии — людей благородных и низких”. Кстати, по поводу братьев И. В. и П. В. Киреевских Т. Н. Грановский замечал: “Я от всей души уважаю этих людей, несмотря на совершенную противоположность наших убеждений”. А. И. Герцен в письме И. С. Аксакову 1858 года подчёркивал: “Несмотря на все разномыслия, в одном мы соединены вполне — в общей искренней любви к России, в страстном желании освобождения крестьян с землёю, и во имя этих двух баз мы горячо жмём руку вам и С<амарину>”.

П. В. Анненков в “Литературных воспоминаниях” отмечал важное общее устремление, связывающее эти противоборствующие течения общественной мысли, — к избавлению России от крепостничества: “Между партиями таилась, однако же, одна связь, одна примиряющая мысль, более чем достаточная для того, чтоб открыть им глаза на общность цели, к которой они стремились с разных сторон... <...> Связь заключалась в одинаковом сочувствии к поработанному классу русских людей и в одинаковом стремлении к упорядочению строя жизни, допускающего это порабощение или даже на нём именно и основанного”.

В современных исследованиях этих направлений даже есть идея рассматривать их как некий симбиоз, составляющие части которого дополняют друг друга и одинаково необходимы для полноценного культурного развития общества, выражая центристскую и центробежную тенденции его развития.

Действительно, и сами западники, не приемля славянофильских представлений о будущих путях развития России и считая их утопическими, всё же признавали то ценное, что есть в их идеях. Так, В. П. Боткин отмечал в письме П. В. Анненкову: “Славянофилы выговорили одно истинное слово: народность, национальность. В этом их великая заслуга; они первые почувствовали, что наш космополитизм ведёт нас только к пустомыслию и пустословию; эта так называемая “русская цивилизация” исполнена была великой заносчивости и гордости, когда они вдруг пришли ей сказать, что она пуста и лишена всякого национального корня; они первые указали на необходимость национального развития. <...> Но в критике заключается и всё достоинство славян! Как только выступают они к положению — начинаются ограниченность, невежество, самая душная патриархальность, незнание самых простых начал государственной экономии, нетерпимость, обскурантизм и проч.”

К. Аксаков же отмечал, что вовсе не отвергает взаимодействия и взаимосвязи русской и западных культур в плане приобщения к их лучшим достижениям, приводя в пример деятельность русских царей в допетровский период: “Они не чуждались иностранцев, которых никогда не чуждался и народ Русский, и старались догнать Европу на пути того просвещения, от которого отстала Россия в двести лет монгольского ига. Они знали, что для того не нужно переставать быть Русскими, не нужно отказываться от своих обычаев, от языка, от одежды, а ещё менее — от начал своих. Они знали, что просвещение тогда только истинно полезно, когда человек принимает его не подражательно, а самостоятельно”.

И в западничестве, и в славянофильстве были и крайности, и недостатки, и противоречия. Например, славянофилы явно идеализировали крестьянство,

видя в нём только положительные черты и представляя его исключением из всех сословий, которые были подвержены нравственному разложению в результате петровских реформ. То есть они не учитывали в полной мере влияние “человеческого фактора” на историческую судьбу России, не хотели видеть, что, несмотря на привитие европейской культуры, образованные сословия по своему менталитету не отличаются существенно от простого народа. “Дураки славянофилы, думающие, что европеизм нас выродил и что между русским мужиком и русским профессором легла бездна!” – восклицал Белинский, размышляя о своих жизненных наблюдениях в одном из писем 1847 года. Вообще одним из основных пунктов расхождений Белинского со славянофилами был вопрос об отношении к личности независимо от сословий.

Противоречивы воззрения К. Аксакова по одному из основных вопросов – о народе и государстве. Он утверждает, что русский народ – это “народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного”. Однако необходимым элементом русского государственного устройства, связывающим власть и народ (государство и землю), он считает общественное мнение: “Самостоятельное отношение безвластного народа к полновластному государству есть только одно: *общественное мнение*”. И образцовым периодом русской государственности, когда этот элемент в должной мере присутствовал, по его мнению, было допетровское время, когда “цари наши часто созывали Земские Соборы, состоявшие из выборных от всех сословий России, где предлагали на обсуждение тот или другой вопрос, касающийся государства и земли”. А в петровской модели государственного устройства К. Аксакова возмущает как раз отсутствие взаимосвязи между властью и народом, когда правительство, чуждое народному духу, не интересуется народными суждениями о том или ином общественно значимом вопросе. Это приводит к нравственному разложению и ослаблению духовных сил общества. И главным политическим требованием, высказанным К. Аксаковым в “Записке” царю, было возвращение к прежнему устройству страны: “Надобно, чтобы правительство, не удовлетворяясь тем, что мнение народное существует, само захотело знать это народное мнение и в известных случаях само бы вызывало и требовало от страны мнения, как это было некогда при царях”, “Свобода слова необходима без отлагательств. Вслед за нею правительство с пользой может созвать Земский Собор”. Таким образом, речь идёт всё-таки о реальном влиянии народа на политику властей, пусть и таким необычным путём – не конституцией и представительством в парламенте, а свободным высказыванием своего мнения. Значит, следуя его логике, и потенциальная возможность “участия в правлении”, и “политический элемент” – всё это в народе присутствует и требует реализации, и не так уж он равнодушен к государственной жизни, каким его несколько идиллически сам же К. Аксаков представляет.

Другое явное противоречие и главный утопический элемент славянофильских идей К. Аксакова – это чаемое внедрение общественного мнения в политическую жизнь страны, причём по желанию именно правительства – того самого, которое, по его словам, стало чужим народу и представляет собой “завоевательное” государство, осуществляющее “иго государства над землёю”. Конечно, закономерно возникает вопрос: почему бы столь деспотическое правительство стало действовать вопреки всей своей прежней логике и поощрять свободу слова, спрашивать у народа его мнение по различным общественно-политическим вопросам, а услышав это мнение – считаться с ним и даже руководствоваться им в какой-то мере? Таким образом, в воззрениях К. Аксакова важные и ценные идеи об общественно-политическом и нравственном состоянии современной им России сочетались с неопределённым, утопическим представлением об их воплощении в жизнь.

В идеях западников тоже были свои противоречия. Например, восхищение реформаторской деятельностью Петра I в их воззрениях существовало рядом с возмущением крепостным правом, в ужесточении и узаконивании которого решающую роль сыграл как раз первый русский император. Для Белинского петровские реформы были самым значительным этапом развития России, и величие первого русского императора он видел, прежде всего, в том, что

он преодолел традиции, оттолкнулся от прошедшего, приобщил общество к просвещению и достижениям западной цивилизации.

Но при этом Белинский, как правило, не уточняет, что одним из направлений реформирования страны Петром I было ужесточение крепостного права и фактически узаконивание рабства, существование которого больше всего возмущало Виссариона Григорьевича в современной ему российской действительности. В письме Гоголю 1847 года он утверждал, что Россия “представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр – не человек”. А в одном из писем 1834 года, убеждая свою мать освободить её единственную крепостную, сравнивал крепостников с вампирами: “Бога ради, постарайтесь отпустить её на волю, иначе на вашей душе будет тяжкий грех. Можно ли сосать кровь из живого человека: это прилично одним вампирам”.

Такое же противоречие было и у А. И. Герцена, у которого характеристика Петра I как просветителя, великого реформатора и “первой свободной личности в России” соседствовала с обозначением его деятельности по закреплению крестьян как легкомысленной и преступной: “С преступным легкомыслием усилил он права дворянства и затянул ещё туже цепь крепостного права”; “Первая перепись жителей, произведённая по указу Петра I в 1710 году, подвела законные основы под все чудовищные злоупотребления; и это он, просветитель России, дал на них своё изволение”.

В то же время оба эти направления – западничество и славянофильство – сыграли огромную роль в идейном развитии русского общества. Их формирование было связано с активным и глубоким процессом роста его самосознания в 30–40-е годы XIX века, что выразилось, с одной стороны, в появившихся выдающихся литературных произведениях, а с другой стороны – в пристальном внимании к философскому осмыслению российской действительности, обобщению исторического опыта и обсуждению путей развития России. Этим, прежде всего, и ценно наследие как западников, так и славянофилов – значительным вкладом в самосознание русского общества.

Впрочем, если говорить о сходстве и разногласиях идей западников и славянофилов, то даже и Белинский в конце жизни отмечал не только те аспекты славянофильской идеологии, которые считал ошибочными, но и те, которые он ценил. Он стремился найти рациональное зерно как в идеях западников, так и в идеях славянофилов, критикуя и в тех, и в других нелепые крайности. В статье “Взгляд на русскую литературу 1846 года” он, в частности, писал: “Пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно человеческое, и, на этом основании, всё европейское, в чём нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и всё азиатское, в чём нет человеческого. <...> Славянофилы правы во многих отношениях; но тем не менее их роль чисто отрицательная, хотя и полезная на время. Главная причина их странных выводов заключается в том, что они произвольно упреждают время, процесс развития принимают за его результат. <...> Они забыли, что новая петровская Россия так же молода, как и Северная Америка, что в будущем ей представляется гораздо больше, чем в прошедшем. <...> В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру своё слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль – об этом пока ещё рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряжённого разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...”.

Споря со славянофилами, негативно относящимися к иностранным влияниям на русское общество, но в то же время не приемля противоположную крайность со стороны западничества – подражательный взгляд на Запад, – Белинский высказал весьма проницательную мысль: “Мы не утверждаем за непреложное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе всё чуждое ему; но смеем думать, что подобная мысль <...> не лишена основания...”

В этот период даже между ним и некоторыми из его друзей возникли моменты непонимания по поводу его отношения к их общим традиционным оппонентам – славянофилам. О сочетании свойственной западникам критики

“квасных патриотов” и близкой славянофилам истовой веры в силу народных истоков России свидетельствуют слова в одном из его последних писем: “Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с вами едва ли расхожусь. Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю их как неопровержимые доказательства. Вы же пустили в ход идею развития личного начала как содержания истории русского народа. Нам с вами жить недолго, а России – века, может быть, тысячелетия. Нам хочется поскорее, а ей торопиться нечего. Личность у нас ещё только наклёвывается. <...> Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточённые скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные люди, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны, – не верю я их интересам”.

Не случайно И. С. Тургенев назвал Белинского “центральной натурой” своей эпохи. Во “Взгляде на русскую литературу 1846 года” Белинский подчёркивает свою самостоятельную позицию. Рассуждая о народности, он отмечает: “Народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мёртвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своём месте, не переходя ни к кому...”.

При этом полемическая сторона дискуссии между западниками и славянофилами отходит для него на второй план. Он подчёркивает, что дело не в полемике самой по себе, а в серьёзном изложении своих идей и поиске истины: “Мы хотели бы защищать наши мнения с достоинством, а противоположным противоборствовать с твёрдостью и спокойствием, без всякой вражды”.

* * *

С Иваном Аксаковым Белинский познакомился в 1840 году в Петербурге. Ещё раз их пути пересеклись в конце мая – начале июня 1846 года, когда Белинский вместе с М. С. Щепкиным направлялся на юг России (в Одессу, Крым) для отдыха и лечения. В Калуге они посетили губернатора Н. М. Смирнова и его жену А. О. Смирнову. В их доме они несколько раз встречались с И. Аксаковым, который в то время служил товарищем председателя уголовной палаты в Калуге. Общая атмосфера постоянной полемики западников и славянофилов того времени наложила заметный отпечаток на его отношение к Белинскому. Вот так И. Аксаков описывает своё первое впечатление от встречи с Белинским, которого он давно не видел: “Он очень похудел, с усами, беспрестанно кашляет, так что страшно на него глядеть. Мы раскланялись, он старался завести разговор, но я обхожусь с ним сухо и холодно”.

Но, по-видимому, даже поверхностное и непродолжительное общение с Белинским произвело на И. Аксакова положительное впечатление, и через несколько дней он уже излагает длинную тираду в его защиту в письме отцу, отвечая на высказанное им недовольство по поводу того, что А. О. Смирнова (давняя знакомая Аксаковых) принимает у себя Белинского: “Деспотизм в отношениях дружбы и знакомства, который играет такую важную роль у Константина, противен моей натуре. <...> Почему не удостоить Белинского разговором, его, человека умного и талантливого, когда она сплошь да рядом удостоивает разговора графов Шуваловых, Апраксиных, Соллогуба, Нелидова, очень многих из них любит; а Белинский, согласитесь, стоит выше их; по крайней мере, вся жизнь, вся деятельность этого человека прошла не в пошлых интересах. Убеждения свои менял он часто, но всегда действовал по увлечению и убеждению. Я не люблю Белинского, но надо быть беспристрастным. К тому же Белинский, по крайней мере при мне, не сказал ни одного дерзкого слова, ни одного неприличного выражения, ни одной цинической выходки или шутки”.

Белинский же о своей калужской встрече с И. Аксаковым в 1846 году отозвался буквально несколькими строчками в письме А. И. Герцену – лаконично, взвешенно, умудренно: “В Калуге столкнулся я с Иваном Аксаковым. Славный юноша! Славянофил, а так хорош, как будто никогда не был славянофилом. Вообще я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди. Грустно мне думать так, но истина впереди всего!”

На первый взгляд, может показаться неожиданной публикация славянофилом И. Аксаковым в редактируемой им газете “Русь” писем Белинского – сторонника противоположного направления. Но ряд факторов делает этот шаг вполне закономерным. Эта публикация имела теперь, в 1881 году, прежде всего, культурно-историческое значение, предоставляя интересные и важные материалы для исследования биографии и личности Белинского (который, кстати, первый употребил в статье “Русская литература в 1843 году” сам этот термин “славянофил” в печати: “У нас есть поборники европеизма, есть славянофилы и др.”), а также истории взаимоотношений и полемики западников и славянофилов в ранний период, то есть в конце 30-х – начале 40-х годов XIX века.

Кроме того, представители противостоящих “партий”, во всяком случае, лучшие из них, несмотря на идейные разногласия, отдавали должное высоким личным качествам и заслугам оппонентов перед русской культурой. Да и период наиболее активной полемики между западниками и славянофилами (1840-е годы) в это время уже остался позади, а сами эти направления после ухода из жизни ряда их выдающихся представителей во многом утратили былой творческий потенциал и в определённой степени видоизменились. Так, для самого И. Аксакова – продолжателя идей “чистого”, “классического” славянофильства, одним из представителей которого был его брат, – со временем всё же более актуальными становились идеи панславизма, а в начале 1860-х годов он и сам ощутил некий водораздел – грань, отделившую прошедший период славянофильства (времен К. Аксакова, Хомякова, братьев Киреевских) от дальнейшей его истории. После смерти Хомякова в 1860 году И. Аксаков писал: “Теперь для нас наступает пора доживания, не положительной деятельности, а воспоминаний, доделываний. История нашего славянофильства как круга, как деятеля общественного замкнулась”.

Впрочем, определённое движение навстречу, к поиску взаимопонимания, общих моментов во взглядах, точек соприкосновения, которое в некоторой степени обозначилось даже ещё при жизни Белинского, тем более проявилось в последующие десятилетия. Так, самого И. С. Аксакова в 1850-е годы связывали дружеские отношения с И. С. Тургеневым, который предполагал принять участие в его “Московском сборнике” (в 1840-е годы это невозможно было бы представить). С другим ярким представителем западников – А. И. Герценом – И. С. Аксаков сотрудничал, печатаясь в конце 50-х – начале 60-х годов в “Поллярной звезде”.

А. И. Герцен тепло и с глубокой искренней печалью отозвался в печати на смерть К. С. Аксакова, подчеркнув, что прошедшее после периода самых бурных споров между западниками и славянофилами время заставило более умудрённым взглядом посмотреть на этот феномен русской общественной жизни: “Много воды утекло с тех пор, и мы встретили *горный дух*, остановивший наш бег, и они, вместо мира мощей, натолкнулись на живые русские вопросы. Считать нам странно, патентов на понимание нет; время, история, опыт сблизили нас не потому, чтоб они нас перетянули к себе или мы – их, а потому, что и они, и мы ближе к истинному воззрению теперь, чем были тогда, когда беспощадно терзали друг друга в журнальных статьях, хотя и тогда я не помню, чтобы мы сомневались в их горячей любви к России или они – в нашей”.

В то же время письма Белинского в газете “Русь” были напечатаны не просто сами по себе, а как бы в окружении текстов, в которых есть моменты полемики по отношению к ним. С одной стороны, это предисловие И. Аксакова, а с другой стороны – это стихотворение К. Аксакова “Петру”, помещённое в газете следом за письмами Белинского. Впервые здесь опубликованное, это стихотворение, написанное в 1845 году, звучит как полемическая реплика в этом заочном диалоге уже давно ушедших друзей-противников. Как бы в ответ на письма Белинского, для которого Пётр I был воплощением движения России к просвещению и позитивному развитию, К. Аксаков высказывает свою точку зрения на деятельность первого русского императора

(“Великий гений, муж кровавый, // Вдали, на рубеже родном // Стоишь ты в блеске страшной славы, // С окровавленным топором...”).

По-видимому, и соотношение общественно-политических взглядов Белинского и И. Аксакова так же можно обозначить: “дружба-вражда”, как нередко называли и вообще отношения западников и славянофилов раннего периода. Здесь тоже есть и сходство, и разногласия.

Сам контекст газеты “Русь”, отражающий, в частности, бурные общественно-политические события 1880-х годов, резко контрастирует с опубликованными здесь письмами Белинского 1830-х – начала 1840-х годов, передающими атмосферу той эпохи – углублённых и нередко отвлечённых размышлений на философские, литературные, исторические темы. Это относилось и к полемике западников и славянофилов. Если в 1840-е годы их полемика носила скорее теоретический характер, то в 1880-е годы и вообще в пореформенной России эти две “партии” уже стремились оказывать практическое влияние на ситуацию в стране. И даже можно сказать, что в классическом виде этих направлений уже и не осталось – это теперь уже не столько западники и славянофилы, сколько либералы и консерваторы, деятельность которых имеет, помимо отвлечённого, литературного характера, ещё и характер обсуждения конкретных общественно-политических дел и участия в них. Биография И. Аксакова – тому подтверждение. На страницах его последнего издания – газеты “Русь”, выражавшей славянофильскую и консервативную позицию и полемизировавшей с западниками, либералами, – активно обсуждалось, какими должны быть пореформенная Россия и славянский мир за её границами. При этом наиболее важными и злободневными вопросами для него были формирование местного самоуправления, решение национальных проблем, в том числе на окраинах России (в Польше, Финляндии, Прибалтике), борьба на Балканах за освобождение южных славян.

Несмотря на то, что И. Аксаков был продолжателем идей своего старшего брата, в этой тематике есть вопросы, которые совершенно не интересовали последнего, например, идеи панславизма и проблемы национальных окраин. Кроме того, взгляды И. Аксакова, высказываемые им на страницах газеты “Русь”, были гораздо более консервативными и менее оппозиционными по сравнению с воззрениями его брата. Если К. Аксаков в “Записке”, поданной царю, характеризовал сложившуюся ситуацию как “иго государства над землёю”, которая “стала как бы завоёванной, а государство – завоевательным”, то позиция И. Аксакова далеко не столь категорична и определённа, и в этом отношении он от идей К. Аксакова в какой-то степени отошёл в сторону консерватизма. В частности, в статье, опубликованной в № 16 газеты “Русь” за 1882 год, он писал: “Благонамеренность правительственных деятелей не подлежит, да и не подвергается, думаем, ничьему сомнению; целый ряд частных полезных мер свидетельствует о прилежной заботе и работе людей, поставленных на высшей чреде государственного служения; но вся эта полезная и честная деятельность <...> по своему дробному и как бы случайному характеру не стоит на уровне того, что на потребу нашему историческому дню и возбуждённому общественному духу”.

В то же время главным вопросом для И. Аксакова – редактора “Руси” – остаётся проблема местного самоуправления. “Наша газета с самого начала настаивала на необходимости реформы уездных учреждений и поставила задачу уездного самоуправления на первом плане”, – подчёркивает он в статье, опубликованной в № 16 газеты “Русь” за 1881 год. Таким образом, главная идея К. Аксакова – восстановление союза Земли и Государства – осталась главной и для его младшего брата. И. Аксаков разъяснял: “Цель земского самоуправления – нисколько не захват власти, подобающей государству. <...> Призвание центральной власти в том: “да под державой её хранимы, мирное, благоденственное” и плодотворное “житие поживем”. Но это призвание может обрести себе исполнение только в том случае, если <...> Земля и Государство будут в тесном, органическом союзе между собой. “Земское и Государство дело” по мысли нашей старой старины – было одно дело, а не два, друг другу противоположные”.

Высказываемая в 1880-е годы эта идея так же, как и в 1840-е годы, подвергалась жёсткой критике западников, либералов, ставивших под сомнение саму постановку вопроса о земском самоуправлении, пока нет гарантий в европейском смысле. Полемизируя со своими оппонентами, И. Аксаков

подчёркивал: “Истинная гарантия, действительная, преимущественно нравственного свойства и зиждется в обычае, нравах, в общественном мнении, в народном признании, в соответствии закона требованиям жизни и времени. Возьмём, например, уничтожение крепостного права и наделение крестьян землёй: этот великий законодательный акт состоялся без всяких предварительных гарантий, тех гарантий, о которых внушительно твердят нам некоторые газеты, однако никакой уже властью отменён быть не может”.

Интересно, как мог бы отнестись к этим идеям Белинский? В своё время он считал их неосновательными, зыбкими, не имеющими достаточных исторических оснований и нереальными в будущем. К тому же, помня о сложности человеческой природы, он не идеализировал людей никаких сословий — ни дворян, ни купцов, ни крестьян. Поэтому вряд ли он поддержал бы идею надеяться только на нравственность и обычаи, обходясь без формальных “гарантий”. Он всё-таки уповал как на улучшение общественных нравов, так и на введение более справедливых законов и на более добросовестное выполнение, прежде всего, правительством, бюрократией уже существующих законов. Конкретный же пример уничтожения крепостного права не столь однозначен, так как намерение верховной власти освободить крепостных крестьян было обусловлено далеко не только мотивами нравственного характера, но и страхом, чтобы это освобождение не произошло “снизу”.

Один из пунктов, по которому у “позднего” Белинского не было, как представляется, расхождений со славянофилами своего времени, — это о самой по себе форме верховной власти. Ожидая от царя насущных преобразований по крестьянскому вопросу (в период активизации подготовки реформы), он, по-видимому, считал, что просвещённый монарх, проводящий прогрессивные преобразования, — это такой вид правления, который был оптимальным для России на том этапе.

Правда, сравнивая эти убеждения позднего Белинского (1840-х годов) с убеждениями позднего И. Аксакова (1880-х годов — периода газеты “Русь”), нельзя не учитывать существенную разницу общественно-политических ситуаций и настроений в эти эпохи, между которыми прошло 40 лет. В эпоху Белинского общество было взбудоражено происходящими сдвигами в подготовке к отмене крепостного права. Главную роль в этом процессе играл император, воля которого была фактически гарантом осуществления реформы. Белинский, хорошо знавший эту ситуацию, был в конце жизни воодушевлён наметившейся перспективой решения крестьянской проблемы. Однако даже в такой обнадёживающей атмосфере у него порой возникали тревожные опасения, что противники реформы будут препятствовать её проведению и негативно влиять на её содержание. Так, в одном из последних писем в феврале 1848 года он разочарованно восклицал: “Дело об освобождении крестьян идёт, а вперёд не подвигается. На днях прошёл в государственном совете закон, позволяющий крепостному крестьянину иметь собственность — с позволения своего помещика!..”

Сложно предполагать, как мог бы отнестись Белинский к дальнейшим историческим событиям. Но, скорее всего, его разочарование значительно усилилось бы в связи с последовавшей вскоре реакцией, поражением в Крымской войне, которое выявило внутреннее неустройство России, окончательным содержанием крестьянской реформы 1861 года, породившим множество социальных проблем, к чему и И. Аксаков относился весьма критически, оценивая уже свершившуюся реформу: “Манифест хорош только как брешь в крепостной стене. <...> “Положение” противоречит всем естественным и законным требованиям народа. <...> Крестьяне “Положением” более недовольны, чем помещики. Вместо того чтобы развязать их друг с другом окончательно, их связали, поставив друг к другу в самое фальшивое, враждебное положение”.

Могло ли в такой ситуации остаться неизменным отношение Белинского к монархической форме правления? (Тем более что он относился вообще к монархии скорее негативно: “Какое имеет право подобный мне человек стать выше человечества, отделиться от него железною короною и пурпуровою мантиею? <...> Царём мог бы быть только Бог, бесстрастный и всеведущий. <...> Нет, не должно быть монархов, ибо монарх не есть брат людям. <...> Люди должны быть братья и не должны оскорблять друг друга ни даже тенью какого-нибудь внешнего и формального превосходства” — из письма 1841 года). Мог ли Белинский продолжать считать роль монархии целесообразной и прогрессивной в столь существенно изменившихся истори-

ческих реалиях? Хотя точного ответа на этот вопрос нет и его можно только предполагать, но, во всяком случае, учитывать эту разницу эпох и общественных настроений при сравнении взглядов Белинского и И. Аксакова необходимо. Так же, как необходимо учитывать и разницу в отношении к самодержавию раннего славянофильства (1840–1850-х годов) и более позднего, пореформенного (в том числе И. Аксакова). Если для первого были свойственны моменты критического отношения к современной политической системе и сложившемуся характеру самодержавия, которое давно перестало быть народным (что нашло яркое выражение в “Записке” К. Аксакова царю Александру II), то у И. Аксакова периода газеты “Русь” такие моменты фактически исчезают. Это тоже не могло бы не сказаться на соотношении взглядов славянофилов и Белинского, ведь он и его единомышленники считали важной и ценной именно критическую сторону мировоззрения славянофилов 1840-х годов.

Правда, славянофилы вовсе не идеализировали монархию саму по себе. И. Аксаков, не признавая религиозного ореола самодержавия, считал, что оно должно быть “народным” — соответствовать духу народа и проводить в жизнь его интересы, иначе оно становится тиранией. Такое рациональное отношение к монархии — не как к чему-то священному, а как к целесообразному способу правления, который в идеале может вести Россию к прогрессу, — отчасти было близко представлениям позднего Белинского. Однако И. Аксаков периода газеты “Русь”, порицая либералов и в целом общество, далёкое от народа, не критиковал характер русской монархии, тоже в реальности весьма далёкой от народа и не соответствующей славянофильскому идеалу. Каким могло бы быть отношение Белинского к этому вопросу в данную эпоху, непросто представить, но наверняка оно не могло бы не измениться по сравнению с 1840-ми годами, и позиция позднего И. Аксакова вряд ли могла быть ему близка.

С проблемой восстановления союза Земли и Государства непосредственно связана задача введения свободы слова. Полемизируя с оппонентами, И. Аксаков писал: “Только при полной свободе мнений и прений может рассеяться тот фальшивый, но заманчивый ореол либерализма, которым читаются наши русские европейцы. Только тогда, может, европеизм улетучится из их головы, и сами они, волей-неволей, станут лицом к лицу с нашей историей, с нашим народом, уразумеют, Бог даст, где и в чём свобода и правда, и образуют, быть может, в неразрывной связи с народом ту общественную просвещённую, ту истинную силу, которой недостаёт народу, без которой не полно бытие и самого народа”.

В поисках народной правды И. Аксаков призывал читателей практически способствовать такой гласности в программной статье в первом номере газеты “Русь” (1880): “Настойчиво просим всех поразведать мысль крестьян и прочих классов уездного общества и попытаться начертать обдуманно, на местах, сообщая, *планы уездного самоуправления*”.

Сложный вопрос — о соотношении этой идеи гласности с взглядами Белинского. Кого поддержал бы он в этом споре — И. Аксакова или его противников? С одной стороны, Белинский скептически относился к возможности необразованных угнетённых народных масс решать исторические судьбы страны. Для него здесь всё-таки был важен фактор просвещённости, приобщённости к общечеловеческим ценностям. Но с другой стороны, общественно-политическая ситуация в 1880-е годы была иная, чем в эпоху Белинского, и крестьянское сословие теперь, через 20 лет после реформы, изменилось, и объективно его влияние на эту ситуацию должно было бы увеличиваться.

Вряд ли Белинский мог отнестись отрицательно к славянофильской идее гласности. Ведь, действительно, не могут не вызвать раздумий слова И. Аксакова из редакционной статьи в № 14 газеты “Русь” (1881): “Много горечи накапливается в сердце народа от постоянного пренебрежения к его духовной личности со стороны просвещённых командующих классов. “Но он молчит, народ великий”, молчит и думает свою думу. <...> Это не угроза, а предостережение”.

Однако как это сокрушение о “постоянном пренебрежении к духовной личности” народа сочетается у И. Аксакова с утверждением (продолжающим взгляды К. Аксакова), например, из статьи, опубликованной в № 4 газеты “Русь” от 15 февраля 1883 года: “Народное представительство не должно иметь никакой власти. <...> Народу, Земле принадлежит мнение, и только

мнение, — разумеется, вполне свободно высказываемое; верховное же решение — единой личной верховной воле. Никакой иной принудительной, гарантирующей силы, кроме нравственной, мнение не должно и не может иметь”. Вряд ли Белинский не счёл бы утопичной эту модель народного представительства.

В то же время у Белинского, скорее всего, не нашли бы поддержки однозначно антизападные, антилиберальные идеи И. Аксакова. Всё-таки Белинский был убеждён, что российская жизнь должна становиться и более правовой, и более нравственной, и если на Западе есть достижения в этой области, то целесообразно было бы в определённой мере к ним приобщиться.

И. Аксаков, размышляя о путях совершенствования российской действительности и преодоления её негативных сторон, видел для этого преимущественно одно средство — самосознание общества, прежде всего интеллигенции, поиск “своей русской, утраченной нашим сознанием правды”. Он призывал больше надеяться на самокритику и самосознание интеллигенции, чем предъявлять претензии к властям, у которых, по его мнению, нет возможности исправить ситуацию (“бестолковщину, безурядицу” в стране): “Нет у власти волшебного жезла, который бы мигом нас оздоровил”. При этом ответственность за происходящее перекладывалась с власти на образованную часть населения, так как “воспитанное правительством общество стало воспитывать его самого”.

Эта точка зрения в какой-то мере могла бы быть близка Белинскому, деятельность которого во многом способствовала самосознанию русского общества. Однако вряд ли Белинский мог бы вполне разделить такой его подход, возлагающий всю ответственность на общество, “словно недугом малокровия одержимое”, и оправдывающий власть отсутствием у неё “волшебного жезла”. Тем более в пореформенное время. Всё-таки Белинский не преуменьшал роль власти и её ответственность в исторической судьбе России.

Правда, негативный опыт русско-турецкой войны обратил взгляд И. Аксакова и на задачи, стоящие перед российской властью (с чем, наверное, не мог бы не согласиться и Белинский): “Да послужит нам былое в поучение, и да истребитя, наконец, та духовная рознь, то взаимное отчуждение высших руководящих, общественных классов и народа, то неведение, неразумие, неуважение своей родной земли, своих народных задач и интересов — тот наш единственный недуг, от которого хилеет лишённый внутренней цельности, но в сущности крепкий и здоровый наш исторический, великий, государственный организм”.

Собственно, и у И. Аксакова постоянно подчёркиваемая им мысль о первостепенной важности формирования самоуправления в России соседствует на страницах “Руси” с жёсткими критическими замечаниями о духовно-нравственной атмосфере русского общества: “Все письма и статьи из провинции — только вопль, кланут бестолковщину, безурядицу, царящую, по их словам, внутри страны”; “Вот уже несколько лет не по себе, неможется русскому человеку. Недуг этот не экономического, а нравственного свойства. *Дух наш недужен*, вот что. <...> Самый успех наиразумнейших экономических мер зависит от *духа жизни*”. В письмах И. Аксакова в конце жизни — ещё более горькие сетования: “Как трудно живётся на Руси!.. Есть какой-то нравственный гнёт, какое-то чувство нравственного измора, которое мешает жить, которое не даёт установиться гармонии духа и тела, внутреннего и внешнего существования. Фальшь и пошлость нашей общественной атмосферы и чувство безнадежности, беспроглядности давят нас” (из письма И. С. Аксакова Г. П. Галагану от 26 января 1886 г.), что делало надежды на чаемое И. Аксаковым развитие самоуправления, гласности в России и вообще воплощение в жизнь славяно-филиских идеалов не столь реальными.

Вспомним, как возмущали И. Аксакова в предисловии к газетной публикации писем Белинского его резкие слова о негативных сторонах российской действительности. Возможно, в конце жизни и И. Аксаков в большей степени понял бы пафос подобных высказываний “неистового Виссариона”, вызванных любовью к России и неравнодушием к её исторической судьбе.